

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Виктория ТУРЯНИЦА,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Ужгородского национального университета

Василий ЛЕМАК,

заведующий кафедры теории и истории государства и права
Ужгородского национального университета, доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Summary

The article is devoted to the understanding of the underlying rationale of human rights as a source of law. Focuses on the analysis of arguments about human rights as the existing law. Argued that the revival of human rights as a source of law took place after the Second World War. Human rights, therefore, are objectively applicable law, which is primarily determined by the same features as the other elements of the law, in particular: 1) the obligatory character, and 2) the use of legal compulsion for its application, and 3) legal liability for infringement. The conclusion regarding the content of the fundamental rights and freedoms of their volume, the role of the judicial and administrative practices.

Key words: fundamental rights and freedoms, the sources of law, the constitution of Ukraine.

Аннотация

Статья посвящена обоснованию понимания основных прав человека как источника права. Основное внимание уделяется анализу аргументов относительно прав человека как действующего права. Утверждается, что возрождение прав человека как источника права состоялось после Второй мировой войны. Права человека, следовательно, являются объективно действующим правом, которое определяется, прежде всего, теми же характеристиками, что и другие элементы права, в частности: 1) общеобязательный характер; 2) возможность использования легального принуждения для его применения; 3) юридическая ответственность за нарушение. Сделан вывод относительно содержания основных прав и свобод, их объема, роли судебной и административной практики.

Ключевые слова: основные права и свободы, источники права, Конституция Украины.

Постановка вопроса. В новое время категория «права человека» во многом выступала в качестве способа оценки несоответствия действующего государственного и общественного строя сформированным в обществе убеждениям. Но сначала она не носила юридического характера, который подтверждается дальнейшим развитием позитивизма в национальных государствах, созданных в новое время. Это значило, что правом и правами человека признавалось лишь то, что было предусмотрено законодательством [1, с. 38-39]. На сегодня понимание «прав человека» не может удовлетворяться подходами XVIII и XIX веков. Постепенно находит поддержку позиция, соответственно которой права человека воспринимаются как органический элемент права, его внутренняя сущность. Такой подход нуждается в аргументации, что и предопределяет **актуальность данного исследования.**

Целью данной статьи является анализ права не только как общественного феномена, а как источника права, который активно влияет на общественные отношения с помощью регулятивных и других средств.

Изложение основного материала. *Нюрнбергский процесс и «возрожде-*

ние» основных прав человека. Резкий поворот в осознании международной общественностью проблемы прав человека как элемента права состоялись, как ни парадоксально, под воздействием массовых и грубых нарушений прав человека, в том числе убийств, которые организовывались нацистским режимом в годы второй мировой войны. Убийства на территории многих оккупированных Германией государств осуществлялись «по приказу» военной и полицейской системы, ее органов безопасности, причем государственно-партийное руководство Германии в целом, как и отдельных структур, находилось, как правило, на собственной территории.

В связи с этим возникли две проблемы, связанные с установлением правовых оснований для привлечения лиц, виновных в совершении массовых преступлений, к ответственности.

Первая проблема касалась привлечения к ответственности немецких должностных лиц, которые совершили преступления на территории оккупированных Германией стран, вторая – руководящих должностных лиц (руководителей государства), которые совершали преступления обычно из территории Германии.

Учитывая, что деяния немецких должностных лиц на территории оккупированных стран считались «преступлениями» в соответствии с законодательством этих стран, то первая проблема была решена технологически просто. Уже в 1943 г. в ходе Тегеранской конференции, как только союзники по Антигитлеровской коалиции «получили из разных источников свідетельство о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые осуществляются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах», ими было принято решение, в котором предусматривалось, что «те не-мецкие офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, которые были ответственными за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно участвовали в них, будут отосланы в страны, в которых были совершены их грубые действия для того, чтобы они могли быть судимыми и наказанными согласно законам этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы». При этом относительно второй проблемы определялось, что «эта декларация не касается вопросов о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным

географическим местом и которые будут наказаны общим решением правительств союзников» [2, с. 7-8].

Позже указанная позиция союзников была подтверждена в ходе Берлинской конференции в июле-августе в 1945 г. трех государств – Великой Британии, СССР и США, на которой отдельно был обсужден вопрос «о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления за Московской декларацией от октября в 1943 г. не относятся к определенному географическому месту». 8 августа в 1945 г. указанными государствами, к которым добавилась Франция, было заключено Соглашение, которое предусматривало в статье 1 основание «Международного военного трибунала для суда на военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, или будут они обвиняться индивидуально, или как члены организаций или групп, или в той и другой роли». Статья 2 этого Соглашения предусматривала, что организация, юрисдикция и функции указанного Трибунала будут определяться приложением к ней – Уставом Трибунала, который объявлялся «неотъемлемой частью этого Соглашения».

В свою очередь, статья 6 Устава Трибунала устанавливала юрисдикцию Трибунала, предусматривая, что он имеет право «судить и наказывать лица, которые, действуя в интересах европейских стран Оси индивидуально или как члены организации, совершили любое из следующих преступлений...». Среди преступлений, которые охватывались юрисдикцией Трибунала, были предусмотрены три категории: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Впервые употребленный термин «преступления против человечности» согласно пункту с) статьи 6 Устава Трибунала включал в их число следующие деяния: «убийства, уничтожения, превращения в рабство, высылка и другие жестокости, совершенные относительно гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или же в связи с любым преступлением, которое подлежит юрисдикции Трибу-

нала, независимо от того, выступали эти действия нарушением внутренней права страны, где они были совершены, или нет» (подчеркивание наше – В.Т., В.Л.) [2, с. 16-17].

Следовательно, *победители во второй мировой войне заложили понимание того, что преступления против человечности являются таковыми даже при условии, что они не были предусмотрены национальным законодательством того или другого государства на момент их совершения.* Другими словами, грубые нарушения прав человека влекут ответственность независимо от их защиты законами на момент нарушения.

Материалы Международного Трибунала в Нюрнберге в 1945-1946 годах свидетельствуют о подтверждении приведенной позиции в разных аспектах. Так, уже во вступительной речи главного обвинителя от США указанная линия проявляется достаточно четко. Им отмечается по этому поводу: «Могут сказать, что это – новый закон, который не был авторитетно объявлен в то время, когда подсудимые совершали преступления, которые осуждаются данным законом, и что это объявление закона стало для них неожиданностью. Я, конечно, не могу отрицать того, что эти лица удивлены тем, что такой закон есть. Они действительно удивлены тем, что вообще существуют законы. Эти подсудимые не опирались ни на один закон. Их программа отбрасывала и игнорировала любую законность. Преступная природа этих действий, как мы доскажем, была полностью ясной для подсудимых. В соответствии с этим они пытались скрыть эти нарушения...». Указывая на подсудимых, представитель США риторически спрашивал: «Раздел IV обвинительного заключения гласит о преступлениях против человечности. Главными из них являются хладнокровные массовые убийства несметного количества людей. Удивляет ли этих людей, что убийство рассматривается как преступление?» [2, с. 142-143].

Указанное привело к «возрождению» естественного права, основные положения которого закрепляются в международных договорах и, в частности, в документах Организации Объединенных Наций. Важной вехой естественного права является принятие

Всеобщей декларации прав человека, которая отображает основные требования относительно содержания национального законодательства. Как предусмотрено в ее преамбуле, Декларация является «заданием, к выполнению которого должны стремиться все народы и все государства» [3, с. 89].

На рубеже третьего тысячелетия представления о неотъемлемых правах человека, само понимание их принципиальных особенностей, как указывал С.С. Алексеев, должно строиться как на исходящих идеях и принципах, заложенных еще в конце XVIII века и закрепленных в основополагающих декларациях, в других международных документах середины XX ст., так и на новых фундаментальных ценностях. Главная из таких ценностей – это такой социальный статус человека, причем прав отдельной, автономной личности, при котором они не только находятся в одном ряду с государством как единственным и верховным сувереном на данной территории, но и имеют по отношению к государству в целом приоритет. А это значит, что ответственность за нарушение прав человека, в том числе за отсутствие условий и механизмов их полной реализации и надлежащей защиты, несет не только отдельный государственный орган, но и государство в целом [4, с. 662].

Права человека как современный источник права в глобальном мире. Одним из наиболее активных проводников идеи относительно включения прав человека к содержанию права известен украинский ученый Н.И. Козюбра. По его мнению, право должно рассматриваться в неразрывной связи с правами человека, которые представляют неотъемлемый компонент права, который должен рассматриваться, прежде всего, не как непосредственный акт государственной власти, а в первую очередь как социальный феномен, связанный с такими явлениями социального взаимодействия, как справедливость, свобода и тому подобное. Именно поэтому в процессе исследования закономерностей права, в частности прав человека в обществе, делает вывод ученый, должно иметь место различие права и закона. Позже ученый делает вывод, что «их (права человека. – В.Т., В.Л.) существование вне права и без права невозможно, как и право немисливо

без прав человека. Это явления одной сущности» [5, с. 92].

Права человека как элемент права признается и уже упомянутым российским ученым С.С.Алексеевым. По его мнению, важнейшим показателем правления права рядом с некоторыми другими моментами (приобретение правосудием статуса высшей власти в государстве, последовательное утверждение культуры права, развитие частного права и тому подобное) является резкое возрастание роли естественных прав человека, которые как таковые приобретают в обществе непосредственное юридическое значение. Такое значение прав человека в определенной степени свойственно и правовому государству в строгом смысле. Но в последнем права человека влияют на общественную жизнь через механизмы, характерные для внутригосударственного права (то есть через механизмы правотворчества, учета прав человека при применении закона и так далее). В правовом же обществе в соответствии с принципом правления права, правозаконности, безусловного верховенства права, непосредственное юридическое значение, причем значение приоритетное, должны приобрести права человека, закрепленные в международно-правовых документах, и это обеспечивается соответствующими органами международного правосудия [6, с. 109]. В другом месте указанный ученый очерчивает свою позицию еще четче: «...В нынешнюю эпоху, в условиях современного гражданского общества естественное право, обусловленное самими глубинами человеческого существования, раскрылось в образе неотъемлемых, прирожденных прав человека, его высокого достоинства и статуса. Эти права - не просто естественные, но именно неотъемлемые, прирожденные: они выступают в качестве прямого и императивного требования, которое выплывает из самих недр, глубин жизни общества, обнаруживая его смысл и назначение. Согласно этому центральному элементу по-литической, экономической, духовной жизни людей стало естественно-правовое требование свободы личности» [6, с. 121-122].

Следовательно, С.С.Алексеев указывает, что права человека являются прямым и императивным требованием свободы личности, независимо от за-

крепления этого требования в содержании правовых норм. В современном мире, как справедливо подметил позже указанный ученый, права человека вышли за пределы национальных правопорядков, превратились, по существу, в глобальный (универсальный) источник права. Им было обращено внимание на два события, которые в конце 1990-х годов состоялись практически одновременно и подтверждают указанный вывод. Первое событие – это арест А. Пиночета, бывшего диктатора Чили, и следующее его криминальное преследование в Великой Британии и Чили. Независимо от того, что он не совершал преступлений на территории Великой Британии, Испании и других европейских государств, а также на его статус неприкосновенности как пожизненного сенатора в Чили, Палата лордов (высшая судебная инстанция) Великой Британии в 1999 г. предоставила разрешение на арест А. Пиночета в связи с возможной причастностью к убийствам граждан Испании на территории Чили и Аргентины в период его пребывания при власти (в 1973-1990 гг.). Второе событие – это применение военной силы государств НАТО против Югославии в 1999 г. с целью ее «принуждения» к выведению войск из Косова, прекращения «этнических чисток», в том числе убийств.

Из этих двух случаев С.С. Алексеев делает справедливый вывод, который отмечает одну из основных тенденций развития глобального мира и свойственного ему международного правопорядка. По его мнению, «это главное заключается в том, что нарушение прав человека в любой стране получает оценку как деликт сверхгосударственного порядка и что выплывающие отсюда правовые последствия имеют обязательную юридическую силу во всем мировом содружестве. А это значит, что права человека становятся действующим правом в глобальном отношении – на «наднациональном», сверхгосударственном уровне. И, как следствие, права человека владеют, скажем, сверхмощной юридической силой, и поэтому, согласно приоритету международного права, каждая национальная юридическая система призвана строиться соответственно принципов и критериев прав человека». Это, по его мнению, привело, кроме

другого, к формированию правозаконности, то есть законности, основанной на правах человека как объективной категории. Права человека, как вывод, необходимо понимать «в значении объективного права». Современная эпоха, по его мнению, отмечается тем, что неотъемлемые права человека все больше приобретают институционность, приобретают непосредственную юридическую силу [7, с. 666, 678].

Следовательно, права человека становятся действующим правом в глобальном отношении – на «наднациональном» уровне, соответственно, они владеют универсальной юридической силой. Конечно, такой подход подтверждает переход от понимания права как права власти, исключительно силового властно-государственного образования к его пониманию как средства защиты от своеволия, института свободного самоутверждения человека, его свободы и творческой активности [8, с. 10].

Права человека, следовательно, являются объективно действующим правом, которое определяется, прежде всего, теми же характеристиками, что и другие элементы права, в частности: 1) общеобязательный характер; 2) возможность использования легального принуждения для его применения; 3) юридическая ответственность за нарушение.

При этом необходимо отметить еще несколько характеристик прав человека как непосредственно действующего права. Во-первых, следует согласиться, что неотъемлемые права человека в рамках национального правопорядка, которые обычно закреплены в конституции соответствующего государства, занимают высшее место в иерархии источников действующего позитивного права. Причем последние, как минимум, не должны противоречить признанным правам человека, и это касается также и норм конституции [9, с. 405].

Во-вторых, права человека являются одним из наиболее эффективных лимитирующих факторов для дискреционных полномочий публичной власти – они устанавливают предел, за пределы которого по общему правилу государство не вмешивается. В частности, анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека

по вопросам вмешательства в осуществление гарантированных Европейской конвенцией по правам человека прав и свобод позволяет выявить критерии правомерности такого вмешательства государства. Среди таких критериев в специальных исследованиях называются следующие: 1) наличие у государства свободы усмотрения (дискреции) относительно осуществления вмешательства в гарантированное право или свободу, обосновывается нормами Конвенции и обуславливается соблюдением установленных Конвенцией целей такого вмешательства; 2) соблюдения пределов свободы усмотрения государства. Последнее проявляется в таком: а) возможность вмешательства должна быть предусмотрена законом; б) вмешательство должно быть таковым, которое «является необходимым в демократическом обществе», то есть обоснованным, а также соразмерным той цели, которую оно преследует. В свою очередь, «предусмотрено законом» как основание для недопустимости превышения государствами пределов свободы усмотрения, включает в себя следующие условия правомерности вмешательства в осуществление прав и свобод, гарантированных Конвенцией: наличие правового основания для вмешательства во внутригосударственном праве; соблюдение принципа верховенства права; соблюдение принципов требований доступности, ясности правового основания для вмешательства и предсказуемости его осуществления и последствий. Критерий «необходимо в демократическом обществе» значит, что вмешательство государства является необходимым лишь в том случае, если оно является обоснованным (то есть существуют умные и достаточные фактические основания для его осуществления) и соразмерным с целями такого вмешательства [10, с. 9-10].

В-третьих, говоря об отношении прав человека к такому признаку объективного права как формально-определенный характер, необходимо обратить внимание на два момента. С одной стороны, действительно права и свободы человека в традиционном понимании закреплены (формализованы) не полностью, но именно в этом и есть их уникальность. Еще раз вспомним Билль о правах США 1791 г., который, как кажется, первым в истории

содержал формулу о том, что «перечисление в Конституции некоторых прав не должно толковаться как отрицание или приуменьшение других прав, которые сохраняются за народом». Сегодня подобные формулировки имеют место в конституциях многих демократических государств и Украина не стала исключением. Речь идет о том, что даже в случае отсутствия закрепления основного права в тексте конституции его содержание будет «найдено» судебной практикой. Другими словами, незакрепленное в законах содержание прав человека не делает их «юридически недействующими». Необходимо заметить, на сегодня и другая группа элементов (источников) права нередко не имеют формально-определенного характера: и правовой обычай, и часть договоров.

В то же время, появляется важный вопрос, связанный с пониманием части первой статьи 22 Конституции Украины («Права и свободы человека и гражданина, закрепленные этой Конституцией, не являются исчерпывающими»). Кажется, содержание незакрепленных прав и свобод человека очерчивается, прежде всего, судебной и административной практикой. В свою очередь, точка отталкивания в определении объема незакрепленных прав и свобод заключается в понимании сущности личной свободы (автономного человеческого поведения), которая может быть ограничена лишь на основании правовой нормы. К тому же, часть первая статьи 19 Конституции («Правовой порядок в Украине основан на принципах, в соответствии с которыми никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законодательством») устанавливает, что ни одно лицо не может быть «принуждено» к поведению, которое не предусмотрено законодательством. Другими словами, лицо определяет свое поведение самостоятельно, если только на нее не положены обязанности, определенные законодательством. В свою очередь, обязанности заключаются в необходимых действиях «что-то делать» или в необходимой бездеятельности «что-то не делать», то есть удержание от определенного поведения. Указанные обязанности - предел прав и свобод, как закрепленных, так и не закрепленных в Конституции Украины.

Список использованной литературы:

1. Калинин С.А. Концепция прав человека как фактор реформирования правовой системы Республики Беларусь // Всеобщая Декларация прав человека: права человека и гуманизация образования в Республике Беларусь: Сб. материалов междунар. научн.-практ. конф. / Ред.кол.: А.Д. Гусев (гл. ред.). – Минск, Респ. Ин-т высш. школы. Бел. гос. ун-та, 1999. – С. 38-43.
2. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т.1. Изд. втор. Под ред. К. П. Гор-шенина (главный редактор), Р. А. Руденко и И. Т. Никитченко. – М. : Гос. изд-во юриди-ческой литературы, 1954. – 935 с.
3. Загальна декларація прав людини. Прийнята і проголошена резолюцією 217 А (III) Генеральної Асамблеї ООН від 10 грудня 1948 року // Офіційний вісник України від 15.12.2008, 2008 р., № 93, стор. 89, стаття 3103.
4. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. - М., Изд-во «Норма», 2001. - 751 с.
5. Козюбра М. І. Правовий закон: проблема критеріїв /М.І. Козюбра// Вісник Ака-демії правових наук України. - 2003. - №2 - 3. – С.83 – 96.
6. Алексеев С.С. Теория права. – М. : Издательство БЕК, 1995. – 224 с.
7. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. - М., Изд-во «Норма», 2001. - 751 с.
8. Воронина Е.В. Право как основа формирования правового государства в России: дис...канд. юрид. наук. - Иркутск, 2005. - 173 с.
9. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА. – М, 1999. – 552 с.
10. Липкина Н. Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 26 с.